

21 век. Библиотека школьника

Ж. Верн

Пятнадцатилетний
капитан

21 век. Библиотека школьника

Жюль Верн

**Пятнадцатилетний капитан
(адаптированный пересказ)**

«Автор»

2015

УДК 821
ББК 84(4)

Верн Ж. Г.

Пятнадцатилетний капитан (адаптированный пересказ) /
Ж. Г. Верн — «Автор», 2015 — (21 век. Библиотека школьника)

ISBN 978-5-4458-8628-0

Серия мировой классики рассчитана на учащихся средних учебных заведений. Текст адаптирован под восприятие подростковой аудитории, особое внимание уделено динамичности повествования, скорости подачи информации, обучающим и воспитательным моментам. В книгу вошел самый известный роман классика французской литературы Жюль Верна «Пятнадцатилетний капитан».

УДК 821
ББК 84(4)

ISBN 978-5-4458-8628-0

© Верн Ж. Г., 2015
© Автор, 2015

Содержание

Часть первая	6
1. Китобой «Пилигрим»	6
2. Дик Сэнд	9
3. «Вальдек»	11
4. Динго	13
5. Буквы на ошейнике	16
6. Кит на горизонте	20
7. Корабль без капитана	22
8. Трагедия в море	24
9. Капитан Сэнд	27
10. Два компаса	29
11. В ожидании шторма	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Жюль Верн

Пятнадцатилетний капитан

© Родин И. О., текст, 2015

© Родин И. О., дизайн и название серии, 2014

Часть первая

1. Китобой «Пилигрим»

2 февраля 1873 года китобойное судно «Пилигрим» шло под $43^{\circ}57'$ южной широты и $165^{\circ}19'$ западной долготы от Гринвича. Эта шхуна водоизмещением в четыреста тонн была приписана к порту Сан-Франциско и принадлежала Джеймсу Уэлдону, богатому судовладельцу из Калифорнии.

Каждый год Джеймс Уэлдон отправлял целую флотилию судов в северные моря, за Берингов пролив, а также в моря Южного полушария, к Тасмании и к мысу Горн. «Пилигрим» по праву считался одним из лучших его кораблей. Хороший ход и отменная оснастка позволяла судну даже с небольшой командой доходить до границы сплошных льдов Южного полушария.

Сам капитан Гуль имел репутацию опытейшего моряка и одного из лучших гарпунщиков южной флотилии. К февралю под его началом на судне работали пять матросов со стажем и один новичок. Этого было недостаточно: охота на китов требует гораздо большего количества людей для обслуживания шлюпок и для разделки добытых туш. Однако судовладельцы, и в их числе Джеймс Уэлдон, считали выгодным нанимать в Сан-Франциско только матросов, которые осуществляли собственно управление судном. Недостающих членов экипажа вербовали прямо в Новой Зеландии. Среди местных жителей, а также множества эмигрантов, которые по каким-то причинам искали прибежища в этой далекой стране, всегда хватало искусных гарпунщиков и матросов. Они поступали на службу на один сезон, а потом получали расчет и жили на берегу, пока очередное китобойное судно не объявляло о наборе новой команды.

«Пилигрим» только что закончил охоту на китов на границе южного Полярного круга. Уже в то время китовый промысел был нелегким делом. Киты попадались в океане все реже: сказывались результаты беспощадного истребления этих гигантских млекопитающих. Настоящие киты начали вымирать, и охотникам приходилось забивать гигантов-полосатиков, что делало промысел гораздо более опасным.

В тот год «Пилигриму» крупно не повезло. Задолго до конца промыслового сезона капитану Гулю пришлось закончить охоту. Нанятая в Новой Зеландии команда оказалась сборищем темных личностей. Матросы вели себя вызывающе, отлынивали от работы, грубили капитану, и в начале января, когда в Южном полушарии стоит лето, Гуль рассчитал их. В трюмах «Пилигрима» оставалось еще много места для китового уса. Половина бочек, которые должны были быть заполнены ворванью, стояли пустые.

Капитан высадил китобоев, нанятых на сезон, в порту Окленда, на восточном берегу северного острова Новой Зеландии. Постоянная команда «Пилигрима» была недовольна. Охота оказалась крайне неудачной, и обещала просто смехотворные заработки. Чувство досады терзало и капитана Гуля. Самолюбие опытного китобоя было глубоко уязвлено. Впервые за время службы у Джеймса Уэлдона он добился столь неутешительных результатов.

Капитан предпринял попытку поправить положение. В Окленде он объявил о наборе нового экипажа, но практически все моряки уже ушли в плавание на других китобойных судах. Обстоятельства вынуждали Гуля отказаться от надежды полностью загрузить «Пилигрим».

Капитан Гуль собрался уходить из Окленда. Однако накануне отплытия к нему обратились с просьбой принять на борт пассажиров, и, хотя «Пилигрим» был совершенно не приспособлен для пассажирских перевозок, отказать капитан не мог. Речь шла о людях, небезразличных хозяину корабля.

Несколько недель назад Джеймс Уэлдон приехал в Новую Зеландию по торговым делам. В это дальнее путешествие владелец «Пилигрима» взял жену, пятилетнего сына Джека и даль-

него родственника миссис Уэлдон, которого все называли «кузен Бенедикт». Предполагалось, что семья в полном составе вернется в Сан-Франциско к Рождеству. Однако перед самым отъездом маленький Джек серьезно заболел. У Джеймса Уэлдона были неотложные дела в Америке, и ему пришлось уехать, оставив жену, ребенка и кузена Бенедикта в Окленде.

Джек оправился от болезни только через месяц. Как только мальчик достаточно окреп, миссис Уэлдон стала собираться в обратную дорогу. В те годы не существовало прямого морского сообщения между Оклендом и Сан-Франциско. Миссис Уэлдон предстояло пуститься в долгое плавание, маршрут которого лежал через Австралию. Естественно, молодой женщине совсем не улыбалось делать такой крюк. Поэтому, когда в январе «Пилигрим» пришел в Оклендский порт, миссис Уэлдон обратилась к капитану Гулю с просьбой доставить ее в Сан-Франциско вместе с Джеком, кузеном Бенедиктом и негритянкой Нан, своей старой нянькой.

Капитан Гуль хорошо знал жену своего хозяина. Миссис Уэлдон, опытная путешественница, не раз делила с мужем тяготы дальних странствований. Ей было около тридцати лет, она никогда не жаловалась на здоровье, прекрасно переносила морскую качку и отличалась завидной выдержкой, нечасто встречающейся среди представительниц прекрасного пола.

Со своей стороны миссис Уэлдон знала, что капитан Гуль отличный моряк, которому Джеймс Уэлдон полностью доверял, а «Пилигрим» – надежное судно, способное выдержать и дальний рейс и жестокий шторм. Молодой женщине очень не хотелось затягивать вынужденную разлуку с мужем, и, поскольку ей представился случай отплыть прямо в Америку, она решила им воспользоваться.

Кузену миссис Уэлдон было около пятидесяти лет. Несмотря на почтенный возраст, его никак нельзя было назвать взрослым самостоятельным человеком. Более того, родные вообще предпочитали не выпускать кузена Бенедикта из дома одного. Он был из тех почтенных ученых, безобидных и добрых, которым предназначено всю жизнь оставаться детьми, жить на свете до ста лет и умереть с неомраченной младенческой душой.

Сухопарый, высокий, с длинными руками и ногами, которые он вечно не знал, куда девать, с огромной взлохмаченной головой, с золотыми очками на носу, кузен Бенедикт казался совершенно беспомощным и погруженным в какие-то свои размышления, не имевшие отношения к реальной действительности. Его простодушие вошло в поговорку; ему никогда не поручали ничего сделать, хотя он охотно оказывал бы услуги людям, если бы в состоянии был оказывать их. Миссис Уэлдон относилась к нему как к сыну, старшему брату малыша Джека.

Не только члены семьи, но и посторонние звали этого большого ребенка «кузеном Бенедиктом»: он настолько нуждался в опеке и руководстве, что казался всеобщим родственником. Впрочем, кузен Бенедикт был неприхотлив, нетребователен, нечувствителен к жаре и холоду, мог не есть и не пить целыми днями, если его забывали накормить и напоить. Кроме того, у него было очень доброе сердце и покладистый характер.

Как ни удивительно, у кузена Бенедикта была профессия. Он посвятил свою жизнь безраздельно и исключительно науке о насекомых – энтомологии. Он отводил этому занятию все свое время, причем не только во время бодрствования, но и во время сна. Даже по ночам кузену Бенедикту снились его горячо обожаемые прямокрылые, сетчатокрылые, перепончатокрылые, чешуекрылые, жесткокрылые, двукрылые и паразиты.

Никто не осмелился бы назвать кузена Бенедикта бездельником. Наоборот – это был неутомимый труженик, энтузиаст своего дела. Десятки и сотни булавок были вколоты за манжеты рукавов его рубашки, за лацканы и полы его пиджака, в поля его шляпы. Когда кузен Бенедикт возвращался домой с прогулок, предпринимаемых исключительно с научной целью, а вовсе не ради моциона как такового, его шляпа представляла собой музейную витрину с коллекцией самых разнообразных насекомых. Наколотые на булавки, они были пришпилены к шляпе изнутри и снаружи, отчего голова кузена Бенедикта приобретала вид какой-то фантастического гнезда.

Почтенный ученый решил сопровождать мистера и миссис Уэлдон в Окленд, чтобы удовлетворить свою всепоглощающую страсть к новым открытиям в области энтомологии. В Новой Зеландии ему удалось обогатить свою коллекцию целым рядом редких экземпляров. Самой ценной вещью кузена Бенедикта была большая круглая жестяная коробка, которую он носил на ремне через плечо и в которой хранил свои аккуратно расправленные трофеи. Теперь ученый с нетерпением рвался назад, в Сан-Франциско, где мог бы без помех рассортировать драгоценные находки по ящикам в рабочем кабинете.

Словом, миссис Уэлдон меньше всего могла рассчитывать в случае опасности на помощь кузена Бенедикта. Однако ни о каких неприятностях во время плавания речь не шла. Судно произвело на молодую женщину очень солидное впечатление, и 22 января она поднялась на борт «Пилигрима» вместе с Джеком, кузеном Бенедиктом и Нан.

Кузен Бенедикт со всеми предосторожностями уложил свою драгоценную коробку под койку в каюте. Перед отплытием он застраховал коллекцию, не пожалев денег на уплату страхового взноса. Эта коллекция, на его взгляд, была дороже, чем весь груз ворвани и китового уса, хранившийся в трюме «Пилигрима».

Капитан Гуль приказал поднять якорь. «Пилигрим», поставив паруса, вышел из порта Окленда и взял курс к берегам Нового Света.

2. Дик Сэнд

Постоянная команда «Пилигрима» состояла из пяти опытных моряков. Все матросы были уроженцами Калифорнии и давно знали друг друга. Они придерживались одинаковых взглядов на жизнь и одинаковых привычек, жили мирно и дружно, работали слаженно и плавали вместе уже четвертый промысловый сезон.

Только человек, выполнявший на «Пилигриме» обязанности судового кока, не был американцем, хотя отлично говорил по-английски. Его звали Негоро. Он родился в Португалии. Капитан Гуль нанял его в Окленде после того, как прежний кок сбежал.

Негоро был хмурым и неразговорчивым человеком, держался особняком, ни с кем не вступал в дружеские отношения, но дело свое знал неплохо. За время работы на «Пилигриме» Негоро не заслужил ни одного упрека и не получил ни одного замечания. Тем не менее капитан Гуль жалел, что не успел навести справки о прошлом нового кока. Ему не нравилось, что португалец, поневоле вынужденный общаться с капитаном судна, упорно избегал смотреть Гулю в глаза. Эта странная особенность настораживала капитана. Китобойное судно – маленький тесный мирок, где на счету каждый человек. От того, как поведет себя Негоро в сложной ситуации, мог зависеть благополучный исход плавания, а может быть, и жизнь людей.

Негоро было около сорока лет. Худощавый, жилистый, черноволосый и смуглый, он, несмотря на невысокий рост, производил впечатление очень сильного человека. По-видимому, он получил какое-то образование. Суждения, крайне редко вырывавшиеся у Негоро, подтверждали, что он сведущ в географии, астрономии и даже истории. Он никогда не говорил о своем прошлом, о родине, о семье, не принимал участия в общих праздниках, не делился планами на будущее. Капитан знал только, что кок собирается списаться на берег в чилийском порту Вальпараисо.

Окружающие считали Негоро странным человеком. Очевидно, прежде он не был моряком. Товарищи обращали внимание, что в морском деле он понимает меньше, чем любой кок, который большую часть своей жизни провел в плаваниях. Впрочем, ни боковая, ни килевая качка не причиняли Негоро вреда, морской болезнью, которой подвержено большинство новичков, он не страдал, а это давало ему немалое преимущество. Словом, скоро его оставили в покое, перестали задавать вопросы, а Негоро, видимо, только к этому и стремился.

Последним членом экипажа был пятнадцатилетний матрос по имени Дик Сэнд. Невысокий, крепко сложенный, темноволосый, с голубыми глазами, юноша сразу привлекал к себе внимание решительным, умным, энергичным выражением лица. Это было лицо человека не только смелого, но и способного дерзать. В пятнадцать лет он уже умел принимать решения и отвечать за них.

Своих родителей Дик не знал. Он был подкидышем и воспитывался в приюте. В четыре года его стали обучать чтению, письму и счету в благотворительной школе штата Нью-Йорк.

У мальчика было врожденное влечение к морю. Когда Дик исполнилось восемь лет, его устроили юнгой на судно, которое совершало рейсы в южные страны. На корабле он стал изучать морское дело. Судовые офицеры хорошо относились к любознательному мальчику и с удовольствием руководили его занятиями.

Капитан Гуль командовал торговым судном, на котором служил Дик, и обратил внимание на способного юнгу. Смелый и упорный мальчик очень понравился ему, и вернувшись в Калифорнию, капитан рассказал о юном Сэнде Джеймсу Уэлдону. Судовладелец заинтересовался судьбой Дика и определил его в среднюю школу в Сан-Франциско.

По окончании школы Дик Сэнд поступил на китобойное судно Джеймса Уэлдона младшим матросом. Дик рано научился доводить до конца то, на что обдуманно решил. Несмотря на молодость, он уже отчетливо понимал свое положение и пообещал себе выбиться в люди,

полагаясь только на собственные силы. Дик знал, что китобойный промысел не менее важен для воспитания настоящего моряка, чем дальние плавания, и с энтузиазмом принялся за дело. К тому же служить под началом такого морского волка, как капитан Гуль, было сродни обучению в мореходной академии.

Дик искренне уважал своего капитана и был глубоко предан семье Уэлдонов. Миссис Уэлдон на протяжении нескольких лет заменяла Дику мать, а маленького Джека он любил как родного брата, хотя и вполне отдавал себе отчет, что его положение сильно отличается от положения сына богатого судовладельца. Со своей стороны ребенок чувствовал искреннюю привязанность Дика и платил «старшему брату» тем же. Стоит ли говорить, как обрадовался Джек, когда узнал, что поплывет к отцу в Сан-Франциско на корабле, где служит Дик?

Плавание в хорошую погоду в открытом море, когда все паруса поставлены и не требуют маневрирования, оставляет матросам много свободного времени. Дик проводил его с Джеком, показывая все, что могло заинтересовать мальчика на судне, даже позволял немного лазить по мачтам, не спуская с ребенка глаз. Миссис Уэлдон только улыбалась, глядя на Дика и Джека. Физические упражнения на свежем воздухе шли на пользу ребенку, который только что перенес тяжелую болезнь. От морского ветра и увлекательной гимнастики здоровый румянец быстро загорелся на щеках мальчика.

Переход из Новой Зеландии в Америку совершался в обстановке полного взаимопонимания между командой и пассажирами. Если бы не восточный ветер, у экипажа «Пилигрима» не было бы никаких поводов к недовольству. Казалось, ничто не должно было нарушить однообразия плавания.

2 февраля стояла солнечная и ясная погода. Около девяти утра Дик Сэнд и Джек вскарабкались на мачту. Оттуда хорошо просматривалась палуба корабля и расстилающийся далеко внизу океан.

– Смотри-ка! – воскликнул вдруг Джек.

– Что там? – спросил Дик, выпрямившись на нее во весь рост.

– Посмотри туда! – сказал Джек, указывая пальчиком на какую-то точку, видневшуюся в дали моря.

Некоторое время Дик внимательно вглядывался в безбрежную водную гладь. Зоркие глаза моряка не могли обмануть его.

– Впереди, по правому борту, судно, потерпевшее крушение! – прокричал юноша.

3. «Вальдек»

Свободные от вахты матросы высыпали на палубу. Капитан Гуль вышел из своей каюты. Миссис Уэлдон, Нан и даже невозмутимый кузен Бенедикт показались вслед за ним. Один Негоро остался в камбузе.

Все принялись внимательно разглядывать обломок судна, видневшийся в море.

– Это корабль? – спросил один из матросов.

– По-моему, плот! – ответил его товарищ.

– Может, там есть люди?... – предположила миссис Уэлдон.

– Подойдем поближе, – отозвался боцман Говик. – Я почти уверен, что это не плот, а опрокинувшийся набок корпус корабля...

– Тогда тем более надо проверить, не остались ли там потерпевшие крушение, – заявил капитан и, повернувшись к рулевому, скомандовал: – Болтон, держи прямо на это судно!

– Есть, капитан! – ответил рулевой.

Легким движением руля «Пилигрим» повернули немного влево. Он находился на расстоянии километра от погибшего корабля. Матросы с любопытством вглядывались в него. Возможно, перед ними было торговое судно, в трюмах которого хранился ценный груз. Если он не поврежден водой и если его удастся перегрузить на «Пилигрим», команда могла бы за один день возместить себе неудачу целого сезона.

– Как вы думаете, капитан Гуль, остался на судне кто-нибудь из команды? – спросила миссис Уэлдон.

– Маловероятно, – ответил капитан. – Если бы там кто-то был, нас бы уже давно заметили и подали какой-нибудь сигнал.

В этот момент Дик Сэнд жестом призвал своих товарищей к тишине.

– Послушайте! – воскликнул он. – Кажется, оттуда доносится собачий лай...

Все насторожились. На тонущем корабле действительно лаяла собака.

– Странно, – промолвил капитан. – Значит, там осталось животное. В любом случае, надо снять его с судна.

– Да, да, – подхватил маленький Джек. – Давайте спасем собачку! Я сам буду кормить ее. Я могу не есть суп и отдавать ей...

С «Пилигрима» спустили шлюпку. Сильными взмахами весел гребцы направили ее к потерпевшему крушение судну. С каждой минутой звонкий лай раздавался все отчетливее. Когда до корабля осталось не больше сотни метров, над бортом показалась голова крупного пса. Однако теперь собака уже не звала лаем на помощь, а яростно и злобно рычала.

Всех удивила такая странная перемена в поведении животного. Ни капитан Гуль, ни матросы не заметили, что пес стал угрожающе рычать как раз в ту минуту, когда на палубу «Пилигрима» вышел Негоро. Португалец бросил быстрый взгляд на корпус тонущего корабля, нахмурился, резко повернулся и скрылся в камбузе.

Шлюпка обогнула корму судна, и гребцы увидели ее название – «Вальдек». По форме корпуса, по некоторым особенностям конструкции, капитан Гуль установил, что корабль американский. Сколько видел глаз, в море вокруг него не плавало никаких обломков. Из этого можно было сделать вывод, что катастрофа произошла несколько дней назад.

На палубе не было ни души. Словно догадавшись, что моряки собираются подняться на борт «Вальдека», собака поползла к открытому центральному люку и, просунув в него голову, снова настойчиво залаяла.

– Похоже, этот пес – не единственное живое существо на корабле, – заметил Дик.

– Я тоже так думаю, – кивнул капитан Гуль. – Хотя... Если люди и уцелели после столкновения, они должны были погибнуть от голода и жажды. Смотри, Дик, камбуз залит водой. Боюсь, на борту судна остались одни трупы.

– Нет! – уверенно возразил Дик. – Собака не стала бы так себя вести. Она словно хочет сказать, что там есть живые.

Дик выпрямился и свистом подозвал собаку. Умное животное послушно прыгнуло в море и, медленно перебирая лапами, поплыло к шлюпке. Матросы втащили пса в лодку. Он с жадностью набросился не на сухарь, который протянул ему Дик, а на ведро с пресной водой. Утолив жажду, собака схватила Дика за полу куртки и вновь громко и жалобно залаяла.

Еще несколько взмахов веслами – и шлюпка подошла к левому борту «Вальдека». Матросы надежно закрепили ее, а капитан Гуль с Диком поднялись на палубу, взяв с собой собаку. Они осторожно добрались до отверстия центрального люка, зиявшего между двумя обломками мачт, и стали спускаться в трюм.

В наполовину затопленном трюме не было никаких товаров. Надежды на ценный груз не оправдались.

– Здесь никого нет, – сказал капитан Гуль.

Однако собака на палубе продолжала заливаться лаем, словно настойчиво требовала внимания людей. Дик с капитаном медленно двинулись за ней на корму.

В помещении, где обычно располагается команда, – в кубрике – лежали пять неподвижных тел. При ярком дневном свете, который проникал в отверстие между двумя балками, капитан Гуль разглядел, что все они были чернокожие. Дик осторожно наклонился к одному несчастному, потом к другому.

– Капитан, они дышат, – сообщил юноша.

– На борт «Пилигрима»! Всех! Немедленно! – приказал Гуль.

Матросы, оставшиеся в шлюпке, помогли вынести потерпевших крушение из кубрика. Шлюпка, в которую не забыли забрать и собаку, быстро пошла по волнам в обратном направлении.

Пассажиры и оставшиеся члены команды столпились у борта и быстро подняли на «Пилигрим» людей, обнаруженных на «Вальдеке».

– Что с ними, капитан? – взволнованно спросила миссис Уэлдон. – Чем мы можем помочь?

– Пусть придут в себя и расскажут свою историю, – ответил капитан Гуль. – Для сначала их надо напоить водой и дать немного рому. У кока должен быть запас спиртного.

С этими словами капитан повернулся к камбузу.

– Негоро! – громко позвал он.

При этом имени собака вытянулась, словно делая стойку, и глухо, но злобно заворчала. Шерсть у нее на загривке поднялась дыбом. Кок не отвечал.

– Негоро! – еще громче крикнул капитан Гуль.

Собака яростно зарычала и оскалила зубы. Негоро появился из камбуза, но не успел сделать и шагу, как пес прыгнул вперед, стараясь вцепиться ему в горло. Ударом кочерги, которой он почему-то вооружился, выходя из камбуза, португалец отшвырнул пса прочь. Боцман Говик схватил собаку, опасаясь повторного нападения.

– Вам знакома эта собака? – недоумевая, спросил у кока капитан Гуль.

– Мне? – удивленно пожал плечами Негоро. – Я ее никогда не видел.

– Очень странно! – пробормотал Дик Сэнд.

4. Динго

В те времена работорговля все еще была широко распространена в Экваториальной Африке, хотя официально она считалась преступлением и была запрещена во всех цивилизованных странах. Несмотря на то, что вдоль берегов континента несли патрулирование английские и французские военные корабли, суда работорговцев по-прежнему вывозили чернокожих невольников из Анголы и Мозамбика. Это было хорошо известно капитану Гулю и его команде.

На «Пилигриме» спасенных негров окружили заботливым уходом. Миссис Уэлдон и Нан стали поить их с ложки холодной водой с ромом, затем Дик принес из камбуза кастрюлю с супом, и несколько глотков бульона вернули истощенных голодом людей к жизни.

Первым пришел в себя старик лет шестидесяти. Он хорошо говорил по-английски и охотно стал отвечать на вопросы своих спасителей.

– Как вы себя чувствуете? – прежде всего спросил капитан Гуль.

– Спасибо, сэр. Гораздо лучше.

– Как ваше имя, дружище?

– Том.

– Что произошло с «Вальдеком», Том? Он столкнулся с другим судном?

– Дней десять тому назад поздно ночью на нас налетел какой-то корабль, – ответил старый негр.

– Где команда вашего судна?

– Не знаю. Когда мы вышли на палубу, там уже никого не было.

– Вы считаете, что экипаж успел перебраться на борт того судна, которое столкнулось с «Вальдеком»?

– Полагаю, что да.

– Неужели это судно после столкновения не остановилось, чтобы подобрать пострадавших?

– Нет.

– Может быть, оно затонуло?

– Нет, – уверенно ответил старик. – Мы с товарищами видели, как оно уходило прочь.

– Откуда шел «Вальдек»?

– Из Мельбурна.

– Скажите, Том, вы и ваши товарищи поднялись на борт, имея на руках билеты?

– Конечно, сэр.

– Значит, вы не рабы?

– Нет, господин капитан, – живо ответил негр, выпрямляясь на койке. – Мы жители Пенсильвании, граждане свободной Америки. Мои спутники и я поступили на плантацию одного англичанина в Южной Австралии, поблизости от Мельбурна. Мы проработали у него три года и, накопив солидную сумму, по окончании контракта решили вернуться на родину. Мы заплатили за проезд на «Вальдеке» как обычные пассажиры.

– Какого числа произошло крушение?

– 5 января судно вышло из Мельбурна. Через семнадцать дней «Вальдек» столкнулся с каким-то большим кораблем. Мы спали у себя в каютах, но проснулись от сильного толчка. Прошло минут десять, прежде чем мы выбежали на палубу, потому что двери в наши каюты заклинило, и их пришлось выбивать. Когда мы выскочили, мачты уже рухнули за борт, и «Вальдек» лежал на боку. Капитан и команда исчезли. Я полагаю, кого-то из них выбросило в море, а кто-то успел уцепиться за снасти того, второго корабля.

– Почему «Вальдек» не пошел ко дну?

– Дело в том, что в трюм попало сравнительно немного воды.

– Вы видели второй корабль, Том? Запомнили название?

– К сожалению, нет. Было темно, мы растерялись, не сразу поняли, что брошены на произвол судьбы. После столкновения с «Вальдеком» то судно быстро скрылось в неизвестном направлении.

– Кто ваши спутники, Том?

– Обычные молодые люди, капитан. самого младшего зовут Бат. Он мой сын. А это Остин, Актеон и Геркулес.

Капитан оглядел товарищей Тома. Им было лет по двадцать пять – тридцать. Все четверо – рослые и широкоплечие молодые мужчины – могли представлять огромный интерес для торговцев на африканских невольничьих рынках, особенно Геркулес, гигант двухметрового роста, очень сильный мужчина с мощными бицепсами.

– Сдается мне, судно, столкнувшееся с «Вальдеком», не принадлежало работаргавцам, – заметил вслух капитан Гуль. – Иначе вас всех непременно забрали бы с собой и заковали в кандалы. Значит, капитан чужого корабля просто решил избежать ответственности за столкновение, которое произошло по его вине, и не стал спасать пассажиров. Возможно, его команда успела опустошить трюмы «Вальдека».

– Что же вы стали делать, Том? – поинтересовался боцман Говик.

– Мы не могли ни исправить повреждения корабля, ни покинуть его, потому что обе шлюпки разбились при столкновении. В течение десяти дней, которые прошли с момента катастрофы до появления вашего корабля, мы питались продуктами, которые нашли в буфете кают-компании. Однако нас жестоко мучила жажда. Бочки с пресной водой, которые хранились на палубе, смыло за борт, а камбуз, в котором можно было достать спиртные напитки, был залит водой. На девятый день я потерял сознание, и больше уже ничего не помню.

– Что это за собака? – спросил Дик, кивая на пса, благодаря которому, собственно, экипаж «Пилигрима» и спас страдалцев.

– Пса зовут Динго, – ответил Том. – Насколько я разбираюсь, это какая-то крупная сторожевая австралийская порода.

– У пса был хозяин?

– Динго принадлежал капитану «Вальдека». Два года назад он нашел полумертвую от голода собаку на западном берегу Африки, недалеко от устья реки Конго.

Дик обернулся к Динго. Когда пес поднимался на задние лапы и вскидывал голову, то был ростом с человека. В Австралии мускулистые, сильные, подвижные родичи Динго нападают на ягуаров и пантер и не боятся в одиночку бороться с медведем. Такая собака в разъяренном состоянии может стать опасным врагом. Неудивительно, что Негоро не был в восторге от приёма, который ему оказал пес.

– Динго не был по-настоящему привязан к нашему капитану, – вступил в разговор сын Тома Бат. – Казалось, он тоскует по прежнему хозяину. На ошейнике у него выгравированы две буквы – «С» и «В». Наверное, это первые буквы имени того человека. Пес не злой, просто необщительный. Я бы даже сказал – грустный.

– И еще я обратил внимание, – подхватил старик Том, – Динго как будто недолюбливает негров.

– То есть? – переспросил капитан Гуль.

– Как бы сказать... Он никогда не бросался на нас. Скорее наоборот – упорно держался в стороне. Избегал. Хотя никто из нас ничего плохого ему не сделал.

– Мы думали, может в Африке его кто-то обидел, – добавил Бат.

– Скажите, господа, а куда идет «Пилигрим»? – в свою очередь задал вопрос Том.

– В Чили. Мы должны разгрузиться в Вальпараисо, – ответил капитан. – Потом поднимемся вдоль американского побережья до берегов Калифорнии. Мы доставим вас на родину, можете не волноваться.

– Том, – великодушно пообещала миссис Уэлдон, – вы и ваши спутники можете рассчитывать, что найдете приют у моего мужа, мистера Джеймса Уэлдона. Он щедрый человек и опытный мореплаватель. Без сомнения, сочувствуя вашей беде, он снабдит вас всем необходимым для возвращения в Пенсильванию.

– Сердечно благодарим вас, мэм, – поклонился Том, а за ним и остальные негры.

5. Буквы на ошейнике

«Пилигрим» пошел дальше, стараясь держать курс на восток. Жизнь на судне, однообразное течение которой ненадолго нарушила встреча с «Вальдеком», снова вошла в свою колею. Том, Остин, Бат, Актеон и Геркулес быстро поправились и рады были всякой работе, чтобы как-то отблагодарить капитана за свое спасение. Когда ветер дул в одном направлении и паруса уже стояли, на судне нечего было делать. Зато, когда требовалось лечь на другой галс, старый негр и его товарищи спешили экипажу на помощь. Надо сказать, что, когда великан Геркулес принимался тянуть какую-нибудь снасть, остальные матросы могли стоять сложа руки. Этот могучий человек вполне мог заменить собой подъемный кран.

Маленький Джек с восхищением наблюдал, как работает Геркулес. Со своей стороны силач негр очень привязался к ребенку и много возился с Джеком. Мальчик нисколько не боялся, когда гигант высоко подкидывал его в воздух, словно куклу, и только визжал от восторга.

– Давай еще, Геркулес! – просил он.

– Как прикажете, мистер Джек, – с шутливым поклоном отвечал тот.

Геркулес подставлял широченную ладонь и предлагал Джеку стать на нее обеими ножками, а потом, вытянув руку, ходил с мальчиком по палубе, словно цирковой атлет. Джек глядел на мать сверху вниз и, представляя себя великаном, веселился от души.

Так у Джека появился на судне второй, после Дика Сэнда, друг, а вскоре к их компании присоединился и третий – Динго. На «Пилигриме» замкнутый характер собаки стал быстро меняться. Джек сумел завоевать сердце сурового пса, и тот с удовольствием играл с мальчиком. Часто Джек с упоением скакал на Динго верхом, потом бросал ему разные предметы, которые пес охотно приносил ребенку обратно. Ежедневно запас сахара на камбузе терпел громадный урон, но ни у кого не хватало сил пенять Джеку на это.

Динго скоро стал любимцем всего экипажа. Только Негоро старался избегать встреч с собакой, которая с первого же мгновения по неизвестной причине возненавидела его.

Теперь у миссис Уэлдон появилось много свободного времени – ведь Джеком постоянно занимались трое друзей, не считая старой няньки Нан. 6 февраля молодая женщина, вышла на палубу, увидела капитана Гуля и завела с ним разговор о Дике Сэнде.

– Как наш юнга справляется со своими обязанностями, капитан?

– Бьюсь об заклад, – сказал Гуль, – этот мальчик со временем станет отличным матросом. Я считаю, у него врожденный инстинкт моряка. Меня поражает, с какой быстротой он усваивает любые мелочи в нашем деле и как много успевает за короткое время. Это тем более удивительно, что Дик не имеет теоретической подготовки.

– К этому надо добавить, – подхватила миссис Уэлдон, – что он честный и добрый юноша, не по годам серьезный и прилежный. За годы, что мы с мужем знаем его, он ни разу не подал повода быть недовольным им.

– Что и говорить! – согласился капитан Гуль. – Славный малый этот Дик! Недаром его все любят.

– Когда мы вернемся в Сан-Франциско, – продолжала миссис Уэлдон, – муж отдаст его в морское училище, чтобы Дик мог впоследствии получить диплом капитана. Джеймс как-то говорил мне об этом.

– Мистер Уэлдон очень правильно поступит, – заметил капитан Гуль. – Я уверен, что Дик Сэнд станет гордостью американского флота. У мальчика уже сейчас сноровка старого рулевого. Понимаете, миссис Уэлдон, ремеслом моряка надо заниматься с детства. Кто не начал службы юнгой, тот никогда не будет настоящим моряком, по крайней мере, в торговом флоте.

В эту минуту на палубу вышел кузен Бенедикт. Динго, который в это время играл с Джеком, подбежал к ученому.

– Поди прочь! – испуганно закричал тот, отталкивая собаку.

– Господин Бенедикт! – воскликнул капитан Гуль.

– Как можно любить тараканов и ненавидеть собак?

– Да еще таких хороших собачек! – обиженно добавил Джек, обхватив ручками голову Динго.

– Хороших... – проворчал кузен Бенедикт. – Это мерзкое животное обмануло мои надежды.

– Как, кузен Бенедикт! – с притворным ужасом воскликнула миссис Уэлдон. – Неужели вы и Динго намеревались зачислить в отряд двукрылых или перепончатокрылых?

– Нет, конечно, – вполне серьезно ответил ученый.

– Но ведь Динго, как я слышал, был подобран на африканском побережье!

– Совершенно верно, – подтвердила миссис Уэлдон. – Том слышал, как об этом говорил капитан «Вальдека».

– Так вот... я считал... я надеялся... что на этом животном найдутся какие-нибудь насекомые, свойственные только африканской фауне...

– Вы неисправимы, кузен! – всплеснула руками миссис Уэлдон.

– Например, на нем могла бы оказаться какая-нибудь особенно злая блоха еще неизвестного, нового вида...

– Слышишь, Динго? – с иронией в голосе протянул капитан Гуль. – Слышишь, пес? Ты не выполнил своих обязанностей!

– Но я напрасно вычесал ему шерсть, – продолжал энтомолог с нескрываемым огорчением. – На Динго не оказалось ни одной блохи!

Все дружно рассмеялись. Поистине, кузен Бенедикт необыкновенно скрашивал однообразие плавания. Надо сказать, он пытался посвятить Дика Сэнда в тайны энтомологии, но юноша тактично уклонился от этой почетной обязанности. Тогда ученый начал читать лекции неграм. Через некоторое время Том, Бат, Остин в Актеон стали исчезать с палубы, едва кузен Бенедикт выходил из своей каюты.

Почтенному энтомологу пришлось довольствоваться единственным слушателем – Геркулесом. Кузен Бенедикт обнаружил у него способность с одного взгляда отличать паразитов от других насекомых. Великан негр жил теперь окруженный жуками-кожеедами, жужелицами, щелкунами, рогачами, жуками-могильщиками, долгоносиками, навозниками, божьими коровками, короедами, хрущами и зерновками, собранными в Новой Зеландии. Геркулес внимательно осмотрел драгоценную коллекцию кузена Бенедикта и ни разу не перебил ученого, который пылко расписывал ему достоинства своих хрупких насекомых. И хотя сердце энтомолога замирало от страха, видя свои бесценные экземпляры в толстых и крепких, как тиски, пальцах Геркулеса, великан ученик так осторожно обращался с ними, что профессор решил рискнуть.

Пока кузен Бенедикт просвещал Геркулеса, миссис Уэлдон учила чтению и письму маленького сына. Вместо традиционной азбуки она объясняла Джеку алфавит с помощью деревянных кубиков, на которых были написаны большие красные буквы. Эта игра послужила причиной одного странного происшествия на борту «Пилигрима».

Утром 9 февраля Джек полулежал на палубе и составлял из кубиков какое-то слово. Старый Том, обожавший возиться с малышом, должен был вновь составить это слово после того, как мальчик перемешает кубики. Джек так увлекся игрой, что не обратил внимания на Динго, который кружил возле него.

Вдруг собака замерла на месте, уставившись на кубик, потом подняла переднюю лапу, завильяла хвостом, схватила кубик в зубы, отбежала в сторону и положила его на палубу. На кубике была изображена заглавная буква «С».

– Динго, отдай! – крикнул мальчик.

Однако Динго не послушался. Пес вернулся, взял еще один кубик и положил его рядом с первым. На втором кубике было нарисовано заглавное «В». Джек закричал и затопал ножками. На его крик сбегались Нан, миссис Уэлдон, капитан Гуль и Дик.

– Что случилось, сынок? – взволнованно спросила миссис Уэлдон.

– Мама, Динго различает буквы! Динго умеет читать!

– Что ты говоришь? – не поверила мать.

Чтобы доказать свою правоту, мальчик схватил оба кубика и бросил их в кучу, вместе с остальными. Динго опять выбрал те же две буквы, отнес их в сторону и сел возле кубиков, очень довольный собой.

– Как странно! – проговорила миссис Уэлдон.

– Действительно, очень странно, – сказал капитан Гуль, пристально глядя на кубики.

– «С» и «В», – прочитала миссис Уэлдон.

– Да, – произнес капитан Гуль. – Те же буквы, что и на ошейнике Динго!

Он обернулся к старому негру.

– Том, вы, кажется, говорили, что эта собака недавно попала к капитану «Вальдека»?

– Совершенно верно, капитан, – подтвердил Том. – Динго попал на «Вальдек» всего года два тому назад. Пса нашли где-то на западном побережье Африки.

– Вот оно что...

Капитан Гуль умолк и задумался.

– Капитан, эти две буквы что-нибудь говорят вам? – спросила вполголоса миссис Уэлдон.

– Да, миссис Уэлдон. Они наводят меня на мысль... Может быть, Динго не случайно выбирает именно эти две буквы, и они помогут выяснить, что стало с одним отважным путешественником.

– Кого вы имеете в виду?

– В тысяча восемьсот семьдесят первом году, то есть два года назад, один путешественник-француз по поручению Парижского географического общества отправился в Африку и предпринял попытку пересечь континент с запада на восток. Исходным пунктом его экспедиции было как раз устье реки Конго. Предполагалось, что конечной точкой станет мыс Дельгадо в устье реки Рувума, по течению которой путешественник планировал спуститься.

– Как его имя? – спросила миссис Уэлдон.

– Самюэль Вернон. Как видите, имя и фамилия начинаются как раз с тех букв, которые Динго выбрал из всего алфавита.

– Путешествие этого человека оказалось успешным?

– Мне известно только, что Самюэль Вернон точно отправился в экспедицию, – ответил капитан Гуль. – Он двинулся вдоль реки Конго, но потом от него не было вестей. Очевидно, ему не удалось добраться до восточного побережья Африки. Либо Вернон погиб в пути, либо попал в плен к местным племенам.

– Значит, эта собака могла принадлежать Самюэлю Вернону... А вы точно знаете, что у него была собака?

– Нет. Это всего-навсего мое предположение, миссис Уэлдон. Думаю, что уж теперь-то никто не может сказать наверняка, была у него собака или нет. Вернон предпринял свое путешествие в одиночку, никто из белых не сопровождал его...

В этот момент из каюты на палубу вышел Негоро. Сначала никто, кроме капитана, не обратил внимания на его появление, и потому никто не заметил откровенно неприязненного взгляда, который португалец бросил на собаку, сидевшую над кубиками с буквами «С» и «В». Но уже в следующую минуту Динго, почуяв судового кока, зарычал и оскалил зубы. Негоро развернулся и немедленно ушел назад в каюту.

– Что-то здесь неладно, – пробормотал капитан Гуль, внимательно наблюдавший за этой краткой сценой.

– Да, капитан, – вздохнул Дик. – Если бы Динго умел говорить! Он объяснил бы нам, и что означают эти буквы и почему он точит зубы на нашего кока!

– Да еще какие зубы! – улыбнулся капитан Гуль, кивая на Динго, который в эту минуту зевнул, показав громадные белые клыки.

6. Кит на горизонте

Томительные штили, во время которых «Пилигрим» почти не двигался с места, время от времени чередовались с порывами встречного ветра. 10 февраля северо-восточный ветер заметно стих, и капитан Гуль стал ждать скорой перемены ветра.

Море на десятки миль вокруг было совершенно пустынным, но именно по этой причине оно особенно привлекало к себе внимание команды. Однообразное на взгляд поверхностного наблюдателя, море представлялось настоящим морякам бесконечно различным.

Всюду кипела жизнь. Высоко в небе реяли гигантские альбатросы, раскинув широкие, в три метра, крылья. Над водой кружили буревестники – одни совершенно белые, другие с темной каймой на перьях. Временами близко к поверхности воды стремительно пронеслись пингвины. На земле их отличает неуклюжая походка, но в море эти птицы могут состязаться в скорости с самыми быстрыми рыбами. Иногда моряки даже принимают пингвинов за тунцов.

Миссис Уэлдон, прогуливаясь по палубе, обратила внимание, что поверхность моря внезапно стала красноватой.

– Посмотри, Дик, какого странного цвета вода... Может, тут есть какие-нибудь особенные водоросли?

– Нет, миссис Уэлдон, – ответил юноша. – Вода приобретает красноватую окраску из-за того, что здесь плавают мириады крохотных рачков. Они иначе называются «планктон» и служат пищей крупным морским млекопитающим. Рыбаки метко прозвали их «китовой похлебкой».

– Неужели это рачки! – не поверила миссис Уэлдон. – Они такие крохотные, что их, пожалуй, можно назвать морскими насекомыми! Кузен Бенедикт, наверное, с радостью включил бы их в свою коллекцию.

– Какую ерунду вы говорите, кузина! – поморщился почтенный ученый.

– Значит, эти рачки не интересуют вас, господин Бенедикт? – улыбнулся капитан Гуль. – Конечно! Однако, обладай вы желудком кита, сколько радости было бы по поводу этого пира! Знаете, миссис Уэлдон, когда нам, китобоям, случается наткнуться в море на такую стаю рачков, мы спешим привести в готовность гарпуны и шлюпки. В таких случаях можно не сомневаться, что кит где-то неподалеку...

– Как же могут такие крохотные рачки насытить огромного кита? – спросил Джек.

– Что ж тут удивительного, дружок? – подмигнул мальчику капитан Гуль. – Ведь Нан умеет готовить вкусную кашу из манной крупы и печь лепешки из муки тонкого помола, и ты умудряешься каждый день наедаться досыта. Киту еще легче. Похлебку для него варит сама природа – ему остается только открыть пасть во всю ширину. Миллионы и миллиарды рачков заплывают туда, и кит закрывает рот. Тогда роговые пластинки, которые, будто щетка, свисают у него с неба, – их еще называют «китовый ус», – начинают работать как рыбачьи сети. Обратно выливается только морская вода, а рачки отправляются в желудок кита точно так же, как суп к тебе в животик. И вот тут-то начинается пора китобоя... Пока огромный обжора лакомится, кораблю легче подойти к нему. Кит так поглощен своей трапезой, что ничего не замечает. Самый подходящий момент метать гарпун...

Как бы в подтверждение слов капитана Гуля раздался голос вахтенного:

– Кит на горизонте!

Капитан Гуль так и подскочил на месте.

– Кит?! – обрадовано воскликнул он и, побуждаемый инстинктом охотника, побежал на нос «Пилигрима».

Миссис Уэлдон, Джек, Дик и даже кузен Бенедикт поспешно последовали за капитаном. Действительно, примерно в пяти километрах от судна, в одном месте море как бы кипело. Опытный китобой не мог ошибиться: среди красных волн двигался крупный кит.

Капитан Гуль и весь экипаж «Пилигрима» с жадностью следили за огромным млекопитающим. По фонтанам, вырывающимся из водометных отверстий кита, они могли определить, к какой породе он принадлежит.

– Это не настоящий кит! – заключил через пять минут капитан Гуль. – У настоящих китов фонтаны выше и тоньше. Однако это и не горбач.

– Откуда вы знаете? – заинтересованно спросила миссис Уэлдон.

– Когда фонтан вылетает с шумом, напоминающим отдаленный гул канонады, можно с уверенностью сказать, что имеешь дело с горбачом. Но тут все иначе. Прислушайтесь хорошенько. Фонтан производит шум совсем другого рода. Что скажешь, Дик? – спросил капитан Гуль, обернувшись к юноше.

– Мне кажется, это полосатик, – не колеблясь, ответил Дик Сэнд. – Посмотрите, с какой силой взлетают в воздух фонтаны, причем водяных струй в них больше, чем пара. Кроме того, он очень крупный – не меньше двадцати метров в длину. Это характерно только для полосатиков!

– Молодец, Дик! – одобрительно похлопал молодого матроса по плечу боцман Говик. – Штук пять таких гигантов, и мы бы полностью загрузили трюмы «Пилигрима»! У нас пустуют две сотни бочек. Вот если поймать этого кита, сразу заполним ворванью не меньше ста...

– Да... Не меньше ста! – проговорил капитан Гуль, не отводя загоревшихся глаз от полосатика.

– Так-то оно так, – осторожно заметил Дик. – Однако напасть на него – дело далеко не легкое. У больших полосатиков хвост чудовищной силы, и к ним надо подходить очень аккуратно. Самая крепкая шляпка разлетится в щепки от удара такого хвоста. Впрочем игра стоит свеч. Может, стоит рискнуть, капитан?

– Большой полосатик – славный улов! – чуть ли не облизываясь, добавил один из матросов.

– И большая выгода! – подхватил второй.

– Жаль пройти мимо и не поздороваться с таким китом! – заключил третий.

Капитан колебался. Он видел, что команде страстно хотелось поохотиться. Немного усилий – и трюм «Пилигрима» будет заполнен. Каждый матрос получал свой процент с проданных бочек с ворванью. Однако людей у капитана было мало, катастрофически мало... Голос разума повторял ему, что отправлять вшестером на такого крупного полосатика – безумие.

– Мама! – вдруг подал голос маленький Джек. – Я хочу посмотреть, как устроен кит!

– Хочешь посмотреть на кита вблизи, дружок? Что ж, почему бы не доставить тебе такое удовольствие? Что скажете, друзья? – обратился капитан Гуль к матросам, будучи уже не в силах сопротивляться – слишком велик был соблазн. – Людей у нас, конечно, маловато... Ну, да как-нибудь справимся...

– Справимся, справимся! – в один голос закричали матросы.

– Мне не в первый раз придется выполнять обязанности гарпунщика, – продолжал капитан Гуль. – Посмотрим, не разучился ли я попадать в цель...

7. Корабль без капитана

Капитан Гуль распорядился готовиться к охоте на полосатика. По опыту отважный моряк знал, что охота будет крайне трудной, и решил принять все возможные меры предосторожности.

– Капитан, мы с ребятами хотим предложить вам помощь на охоте, – начал старый Том. – У вас мало людей, а мы при толковом руководстве вполне способны выполнять несложную работу – грести веслами или подавать вам снаряжение...

– Спасибо, Том, – отозвался Гуль. – Я ценю ваше предложение, но мне придется отказаться от него. Это не от недоверия к вам. Понимаете, управление шлюпкой во время охоты на кита под силу только опытным морякам. Неверный поворот руля или несвоевременный взмах весла в момент нападения угрожают шлюпке гибелью.

– Я понимаю... Кого же вы оставите на «Пилигриме» вместо себя?

Капитан задумался. Конечно, он не мог покинуть свое судно, не оставив на борту хотя бы одного опытного моряка. С другой стороны, никто не застрахован от случайностей, тем более на охоте. Поскольку на китобойной шлюпке требовались как можно больше физически сильных мужчин, капитану Гулю волей-неволей пришлось взять с собой всю команду и оставить судно на попечение пятнадцатилетнего Дика Сэнда.

– Дик, – сказал он, – ты знаешь «Пилигрим» как свои пять пальцев. Ты многому научился у меня за время, что мы плавали вместе. Оставляю тебя своим заместителем на время охоты. Надеюсь, мы управимся быстро.

– Слушаюсь, капитан!

Приказ есть приказ. Как ни хотелось Дикю самому попохотиться, он понимал, что в шлюпке будет полезнее опытный китобой.

Погода благоприятствовала охоте. Ветер стих, на море не было волнения, что значительно облегчало задачу. Шлюпке легче маневрировать на спокойной воде.

Матросы спустились в лодку, а боцман Говик сбросил им два гарпуна и несколько длинных копий с острыми наконечниками. Рядом с этими орудиями легли пять мотков гибкого и прочного троса, по двести метров в каждом. Такие мотки моряки называют бухтами. Конец троса из первой бухты привязывается к гарпуну. Гарпун впивается в тело кита, и, когда первая бухта разматывается, матросы подвязывают к концу троса вторую, третью и т. д. Впрочем, бывают случаи, когда тысячи метров троса оказывается недостаточно, – так глубоко ныряет кит.

Экипаж «Пилигрима» положил корабль в дрейф, и судно стояло почти неподвижно. Гарпуны, копия и трос аккуратно спустили на нос шлюпки. Заняв свои места на скамейках, Говик и четыре матроса ждали приказа отчалить от корабля.

– Дик, – в последний раз обратился к своему помощнику капитан Гуль, прежде, чем покинуть борт своего судна, – может сложиться так, что «Пилигриму» придется пойти нам навстречу. Кто знает, вдруг кит потащит нас слишком далеко! Тогда Том с товарищами помогут тебе поставить паруса. Объясни им подробно, что надо делать. Я уверен, они справятся с работой.

– Капитан Гуль, – вступил Том. – Мистер Дик может рассчитывать на нас.

– Мы докажем, что умеем работать! – поддержал отца Бат.

– Что надо тянуть? – перешел к делу гигант Геркулес, засучивая рукава.

– Пока ничего, – улыбаясь, ответил Дик.

– А то я готов! – подмигнул ему великан-негр.

– На море хорошая погода, – продолжал капитан Гуль. – Надо думать, никаких осложнений она нам не принесет. Однако, я приказываю тебе, Дик: что бы ни случилось, не спускай на воду шлюпку и не покидай судна!

– Слушаюсь, капитан!

– Если в погоне за китом мы уйдем далеко в сторону и понадобится, чтобы корабль пошел за нами, ты увидишь мой сигнал – я подниму над шлюпкой флажок.

– Не волнуйтесь, капитан. Я глаз не спущу с вашей шлюпки, – уверил его Дик Сэнд.

– Тогда я пошел, – решился наконец капитан Гуль. – Побольше хладнокровия, юноша! Считаю себя произведенным в помощники капитана. Буль тверже и решительнее, не поддавайся эмоциям, не посрами своего звания. Помни: еще никому не доводилось носить его в твоём возрасте.

– Благодарю вас, капитан, – поклонился Дик. – Удачного промысла!

– Удачного промысла! – повторила миссис Уэлдон.

– Спасибо!

– Капитан Гуль, – подал голосок маленький Джек, – прошу вас, не бейте больно бедного кита!

– Постараюсь, малыш! – ответил капитан Гуль и стал спускаться в шлюпку.

Если охота будет удачной, думал капитан, огромную добычу предстоит дотянуть на буксире до «Пилигрима» и крепко пришвартовать к кораблю с правого борта. Затем матросы надевают особые китобойные сапоги с шипами на подошвах и взбираются на спину убитого кита. Разделка туши производится с головы к хвосту. Не меньше двух дней уйдет на то, чтобы рассечь слой китового жира на параллельные полосы, а потом разделить их поперек на ломти толщиной полметра. Каждый такой ломоть режут на более мелкие куски и плотно укладывают в бочки, которые ставят в трюм. После этого придется как можно быстрее идти в Вальпараисо, где закончить обработку туши и приступить к выплавке жира. Во время этого процесса китовый жир выделяет ворвань – самую ценную свою составляющую.

Шлюпка отчалила, и равномерные сильные взмахи весел быстро понесли ее в сторону полосатика. Динго, все это время не отходивший от борта, вдруг жалобно завыл вслед команде. Это произвело тяжелое впечатление и на китобоев, и на их друзей, оставшихся на борту.

– Замолчи, Динго! – строго сказала миссис Уэлдон. – Как тебе не стыдно! Разве так провожают друзей на охоту!

Динго понуро умолк и пожал хвост. Пес снял лапы с поручней, медленно, опустив голову, подошел к Дик и лизнул его руку.

– Динго не машет хвостом, – прошептал Том. – Дурной знак!..

Неожиданно Динго оцетинился и зарычал. Миссис Уэлдон и Дик резко обернулись. Впрочем, реакция пса была предсказуема. На палубе стоял Негоро. Очевидно, кок проявил интерес к предстоящей охоте и хотел понаблюдать за китобоями. Одним прыжком Динго очутился рядом с португальцем. Негоро проворно поднял с палубы вымбовку и приготовился отразить нападение.

– Динго, ко мне! – крикнул Дик.

– Назад, Динго! – позвала миссис Уэлдон.

Пес нехотя повиновался и, глухо рыча, отошел на прежнее место. Негоро проводил его недобрый взглядом и что-то пробормотал, стиснув зубы. Лицо португальца сильно побледнело, и бросив на палубу вымбовку, он развернулся и скрылся в камбузе.

Дик переглянулся с миссис Уэлдон и знаком подозвал к себе Геркулеса.

– Я поручаю вам следить за судовым коком, – вполголоса произнес юноша. – Негоро внушает мне серьезные подозрения. Динго зря не бросается на людей. В отсутствие на борту капитана и верных матросов этот человек может представлять опасность для наших пассажиров.

– Не волнуйтесь мистер Дик, – спокойно ответил великан, сжимая кулаки. – Я глаз с него не спущу. Поверьте, при мне Негоро не осмелится бунтовать.

8. Трагедия в море

– Говик! – обратился к боцману капитан Гуль. – Нам необходимо застать полосатика врасплох. Правьте так, чтобы шлюпка как можно незаметнее подошла к нему на расстояние, откуда можно бросать гарпун.

– Слушаюсь, капитан! – бодро отозвался боцман. – Предлагаю идти по краю красного поля. Тогда ветер будет дуть в нашу сторону.

– Согласен, – кивнул капитан. – Гребите, ребята! Чем тише, тем лучше!

Весла, заблаговременно обмотанные кожей, не скрипели в uključинах и входили в воду практически бесшумно. Опытный китобой, Говик умело направлял шлюпку так, что скоро она вплотную подошла к границе красного поля. Теперь весла правого борта погружались в прозрачную изумрудную воду, а по веслам левого борта стекали струйки красной, напоминающей кровь, жидкости.

Полосатик лежал неподвижно и словно не замечал лодку, которая по кругу обходила его. Боцман Говик выпрямился во весь рост и направил шлюпку так, чтобы подойти к левому боку кита. При этом надо было соблюдать двойную осторожность и не приближаться к мощному хвосту огромного млекопитающего. Одного удара этой гигантской дубины было бы достаточно, чтобы разнести лодку в щепки.

– Готовься! – вполголоса скомандовал капитан Гуль.

– Есть! – ответил Говик и крепче сжал рулевое весло.

– Вперед!

Шлюпка поравнялась с полосатиком. Теперь людей отделяло от него расстояние в три метра. Животное по-прежнему не шевелилось. У капитана мелькнула надежда, что полосатик, может быть, спит. Это бы существенно помогло отважным, но крайне малочисленным китобоям. Если кита удастся застигнуть во время сна, он легко становится добычей охотника. Если повезет, его можно загарпунить и прикончить с первого удара.

Наступил решительный момент. Поудобнее ухватив гарпун за середину древка, капитан Гуль несколько раз взмахнул им, примериваясь, а затем с силой метнул оружие в полосатика.

– Назад! – закричал он.

Матросы дружно навалились на весла и рванули шлюпку назад, чтобы вывести ее из-под ударов хвоста раненого кита.

– Детеныш! – раздался отчаянный возглас потрясенного Говика.

Так вот в чем была причина странного поведения полосатика! Красными рачками лакомился не один полосатик, а два! Точнее «малыш», если только так можно назвать животное длиной в шесть метров, присосался к боку матери, которая кормила его молоком. Такое положение предполагает полную неподвижность. Раненая самка судорожно метнулась, почти перевернулась на бок, и моряки увидели китенка.

«Надо было сначала обойти ее кругом», – молнией мелькнуло в голове у капитана. Он знал, что присутствие детеныша делает охоту в десятки раз опаснее. Нападать на самку во время кормления с такой малочисленной командой было очень рискованно, но отступить было уже поздно.

Полосатик нырнул, описал под водой дугу, мощным рывком поднялся на поверхность и с невероятной быстротой поплыл в сторону.

– В погоню! – скомандовал капитан.

Матросы, уже оправившись от первого потрясения, налегли на весла. Шлюпка стрелой понеслась за китом. Полосатик мощно рассекал гладь моря, отчего по поверхности шли волны и шлюпку то и дело швыряло из стороны в сторону. «Пилигрим» остался далеко позади. Самка

взметнулась из воды и вдруг стала стремительно погружаться в глубину. Трос, привязанный к гарпуну, разматывался с бешеной скоростью.

– Как бы канат не загорелся от трения о борт! – пошутил капитан Гуль.

Матрос Болтон поспешно привязал к концу троса вторую бухту, но и ее хватило ненадолго. Через пять минут пришлось подвязать третью, которая тоже скоро разматалась под водой.

– А все-таки ей придется подняться на поверхность, чтобы набрать воздуха, – заметил капитан Гуль, стараясь поддержать своих встревоженных спутников. – Кит – не рыба. Ему, как и человеку, надо дышать.

– Но кит, как и человек, умеет задерживать дыхание, чтобы плыть быстрее, – с улыбкой заметил Болтон.

Пятая бухта была пущена в дело и разматалась почти наполовину, когда наконец натяжение троса ослабло.

– Ну неужели! – облегченно вздохнул капитан Гуль. – Похоже, наш полосатик устал! Ну, не век же болтаться по морским просторам! Пора в трюм!

Киту требовалось время, чтобы всплыть на поверхность. Капитан воспользовался передышкой, чтобы определиться на местности. Шлюпка находилась километрах в пяти от «Пилигрима». Капитан немедленно поднял на багре флажок, давая Дику знак идти на сближение.

Дик, который все это время не отрывал взгляда от шлюпки своего капитана, немедленно исполнил его приказ. К сожалению, ветер был слабый, а почти все паруса на судне были спущены, и «Пилигрим» при всем желании не мог быстро подойти к китобоям.

Раненая самка всплыла и некоторое время неподвижно лежала на воде. Говик понял, что она поджидает детеныша, и насторожился. Положение становилось угрожающим: оставшись одна, мать могла броситься на людей. Теперь многое зависело от рулевого, от его быстрой реакции и сноровки, от способности своевременно отвести шлюпку на безопасное расстояние от хвоста.

– Соберитесь, ребята! – скомандовал капитан. – Сейчас начнется...

Полосатик взмахнул хвостовым плавником и резко уплыл вперед на десять метров.

– Внимание! – продолжал Гуль. – Она берет разгон, чтобы броситься на нас. Поворачивай, Говик!

Полосатик повернулся головой к шлюпке и, с силой ударяя плавниками по воде, ринулся на людей. Боцман, верно угадав направление атаки, рванул шлюпку в сторону. Огромный кит проплыл мимо, не задев лодку. Капитан Гуль и два его помощника были начеку и успели всадить копья в тело раненой самки, стараясь задеть какой-нибудь жизненно важный орган.

Полосатик затормозил, выбросил высоко вверх два окрашенных кровью фонтана и снова метнулся на охотников. Говик не растерялся и вновь своевременным движением весла сумел уклониться от удара. Когда кит проносился мимо шлюпки, Гуль и матросы снова нанесли ему три глубокие раны. Истекающая кровью самка обезумела от боли и с такой силой хлопнула хвостом по воде, что от поднявшихся волн шлюпка едва не опрокинулась. Волна плеснула через борт и до половины заполнила лодку.

– Ведра, ребята! – прогремел голос капитана. – Вычерпывай воду!

Команда дружно отбросила весла. Теперь главное было – как можно быстрее освободить шлюпку от воды. Пока матросы лихорадочно вычерпывали ее, капитан обрубил трос, который вел к гарпуну. Полосатик больше не собирался уплыть прочь. Животное билось в агонии, отчаянно стараясь уязвить тех, кто причинил ему страшную, нестерпимую боль.

В третий раз полосатик повернулся к шлюпке. Отяжелевшее суденышко потеряло маневренность. Увернуться Говик больше не мог.

– Прекратите нападение! – распорядился капитан. – Пора спасти свою шкуру! Дружнее, ребята! Уходим!

Кит бросился на людей и на этот раз задел шлюпку спинным плавником. Удар оказался так силен, что Говик потерял равновесие и повалился на спину. На этот раз и копы не попали в цель: резкий толчок помешал охотникам прицелиться как следует.

Боцман быстро поднялся на ноги и только тут заметил, что кормовое весло переломилось пополам.

– Бери другое! – не растерялся капитан. – Держи лодку, Говик!

В эту минуту вода возле шлюпки словно закипела. Из глубин поднимался китенок. Мать стремительно поплыла к детенышу. Теперь она готовилась бороться за двоих.

Капитан Гуль отчаянно замахал флажком. Это было излишне: еще по первому его сигналу Дик Сэнд сделал все возможное, чтобы сократить расстояние между кораблем и шлюпкой. Слабый ветер, поминутно стихая, едва наполнял немногие оставшиеся паруса. На шхуне не было винтового двигателя, и Дик больше ничем не мог ускорить ход судна.

Юноша пристально вглядывался в море, туда, где кипела битва между раненым китом и командой капитана Гуля. Когда положение стало серьезным, юноша, вопреки приказу капитана, приказал спустить на воду кормовую шлюпку и повел ее за судном на буксире. Охотники могли пересечь в нее, как только «Пилигрим» подойдет на близкое расстояние.

К сожалению, времени у китобоев не осталось. Прикрывая своим телом детеныша, умирающая самка стремительно понеслась прямо на охотников.

– Берегись, Говик! – в последний раз крикнул капитан Гуль.

Теперь рулевой был безоружен. Вместо длинного кормового весла, которым можно было пользоваться как рычагом, у Говика осталось только короткое гребное. Он попытался развернуть шлюпку, но безуспешно.

Матросы поняли, что это конец. Все вскочили на ноги и в отчаянии закричали. Этот звериный предсмертный вопль донесся до «Пилигрима», и Дик Сэнд принял решение. Вместе с Томом и его товарищами он прыгнул в шлюпку и изо всех сил погреб к месту катастрофы. На борту остался один Геркулес, чтобы присматривать за Негоро и защищать миссис Уэлдон.

Страшный удар хвоста обрушился на шлюпку, с силой взметнув ее на воздух. Лодка раскололась на три части, и обломки упали в огромную воронку, образованную мечущимся китом. Все матросы были тяжело ранены, но некоторое время могли бы еще удержаться на плаву. Со стремительно летевшей к ним шлюпки Дика Сэнда было видно, как капитан Гуль толкал к боцману Говику, у которого была рассечена голова, широкую скамью, уцепившись за которую раненый мог бы вы плыть... Однако тут кит судорожно заколотил хвостом по воде. Несколько минут вокруг не было видно ничего, кроме водяного смерча, брызг и белой пены. Потом гигантское животное обессилело и стало быстро погружаться в пучину.

Когда шлюпка Дика добралась до места трагедии, там не осталось ничего живого. На поверхности красной от крови воды плавали обломки шлюпки да яркий флажок.

9. Капитан Сэнд

Немногих оставшихся на «Пилигриме» потрясла гибель капитана Гуля и пятерых матросов. Миссис Уэлдон упала на колени и зарыдала, закрыв лицо руками.

Спустя полчаса на борт поднялись Дик Сэнд и четверо негров. На Дике не было лица. Отныне «Пилигрим» был вверен его попечению на неопределенное время. На корабле не было ни одного моряка, ни одного взрослого человека, которому Дик мог бы перепоручить командование.

Затерянный среди бескрайних просторов Тихого океана, в сотнях километров от ближайшего побережья, корабль остался без капитана и матросов и был обречен стать беспомощной игрушкой волн и течений.

Дик Сэнд долго стоял на палубе, скрестив на груди руки, и не отрываясь смотрел на воду, поглотившую капитана Гуля, его покровителя, человека, которого он любил и уважал как отца. Очнувшись от оцепенения, Дик обвел взглядом горизонт, надеясь заметить какое-нибудь судно, чтобы попросить у него помощи или хотя бы пересадить на него миссис Уэлдон с Джеком. Сам он не собирался покидать «Пилигрим». Дик чувствовал, что весь груз ответственности за корабль теперь лежит на нем, и собирался сделать все, чтобы довести его до ближайшего порта.

– Капитан Гуль хотел бы, чтобы я поступил именно так, – вытирая слезы, катившиеся по лицу, повторял себе юноша.

Солнце светило вовсю, яркие блики играли на ровной поверхности изумрудных вод, морские птицы кружили над местом гибели огромного полосатика и команды «Пилигрима». Океан был пустынен. Вокруг на сотни километров не было даже следов присутствия людей.

В эти минуты окончательно и бесповоротно закончилось детство Дика Сэнда. Он стремительно, помимо своей воли, ворвался во взрослую жизнь, которая властно потребовала от молодого человека умения глядеть опасности прямо в глаза, не пытаясь приукрасить свое положение.

Дик опустил голову, глубоко, всей грудью, вдохнул свежий морской воздух и обернулся к людям, оставшимся на корабле – миссис Уэлдон, Нан, Тому и его товарищам, Негоро. Последний не спеша сделал несколько шагов вперед и остановился около Дика.

– Вы хотите поговорить со мной? – задал ему вопрос Дик.

– Нет, – холодно ответил кок. – Я хотел бы поговорить с капитаном Гулем или хотя бы с боцманом Говиком.

– Мне казалось, вы видели, что они погибли, – ровным голосом отозвался Дик.

– Кто же теперь командует судном? – сквозь зубы процедил Негоро.

– Я, – просто ответил Дик.

– Ты?! – обычно невозмутимый, Негоро вытаращил глаза. – Где это видано? Пятнадцатилетний капитан! Смешно, честное слово!

– Да, пятнадцатилетний капитан, – спокойно повторил Дик, словно сам стараясь привыкнуть к своему новому положению. – Это воля покойного капитана Гуля, и на вашем месте, Негоро, я не искал бы в этом ничего веселого.

Негоро недоуменно оглянулся по сторонам.

– Пожалуй, более разумным было бы назначение другого человека... – начал он.

Дик знал, что этот другой – сам Негоро. Он собрался было одернуть кока, но миссис Уэлдон опередила его.

– На «Пилигриме» есть капитан. Его имя – Дик Сэнд, – тоном, не допускающим возражений, произнесла молодая хозяйка судна. – Тем, кто служит или путешествует на этом корабле, следует сразу уяснить, что новый капитан сумеет поддерживать дисциплину. Если у кого-то

есть вопросы по поводу этого назначения, он может обратиться ко мне, как к собственнице «Пилигрима».

– Вопросов нет, миссис Уэлдон, – ответил за всех присутствующих Геркулес. – Мы уважаем капитана Дика и объявляем, что любой его приказ будет выполнен беспрекословно.

Негоро оглядел собравшихся на палубе людей, словно душевнобольных, потом молча насмешливо поклонился Дику, неразборчиво пробормотал себе под нос несколько слов и ушел в камбуз. Было заметно, что он сильно раздосадован.

– Не обращай на него внимания, Дик, – вполголоса сказала новому капитану миссис Уэлдон. – В случае неповиновения Геркулес сумеет заставить Негоро вести себя как следует. У тебя сейчас гораздо более важные заботы. Скажи, ты знаешь, где находится «Пилигрим»?

– Я бы ответил – да, миссис Уэлдон, – справившись с волнением, произнес Дик. – Я смогу сообщить вам точные координаты, сверившись с картой. Вчера капитан Гуль нанес на нее нашу точку.

– Как ты думаешь, Дик, ты сумеешь вести судно в нужном направлении?

– Надеюсь. Я буду держать курс на восток, на тот пункт американского побережья, к которому собирался пристать капитан Гуль.

– Ты, конечно, понимаешь, Дик, что после случившегося придется изменить первоначальный маршрут? «Пилигрим» не должен теперь идти в Вальпараисо. Ближайший американский порт – вот куда нам надо стремиться! Любой город подойдет, чтобы остановиться там и телеграфом сообщить моему мужу о гибели команды.

– Я так и поступлю, миссис Уэлдон, – ответил Дик. – Не волнуйтесь. Американский континент тянется с севера на юг на тысячи километров. Проскочить мимо него нам никак не удастся. Сейчас дует попутный северо-западный ветер, который с каждым часом становился все свежее. Воспользуемся этим обстоятельством и поставим паруса.

Таково было первое решение нового капитана. Дик Сэнд подозвал Тома и его товарищей.

– Ребята, – начал Дик, вспомнив, что именно так обращался к своему экипажу капитан Гуль. – Все вы видели, что произошло... На «Пилигриме» нет другого экипажа, кроме вас. Без помощи, один, я не смогу выполнить ни одного маневра. Никто, конечно, не требует, чтобы вы за один день стали морскими волками. Но у вас умелые руки. Приложив немного усилий, мы сумеем привести «Пилигрим» в ближайший порт.

– Капитан Дик, – ответил Том, – располагайте нами, как считаете нужным. Все, что могут сделать под вашим командованием пять человек, мы сделаем!

– Для начала – приказываю соблюдать осторожность, – объявил Дик. – Вам предстоит многому научиться. Нет смысла рисковать и зря поднимать все паруса. Лучше мы проиграем немного в скорости, зато я буду уверен, что плавание наше не предвещает опасности. Сейчас я укажу каждому из вас его обязанности.

– Слушаемся, капитан! – дружно ответили негры.

– Я буду стоять у штурвала, сколько смогу, спать буду не больше двух часов в сутки. В это время кому-то из вас придется подменить меня. Хотите, Том, я обучу вас обращаться со штурвалом? Вести корабль по компасу совсем не так сложно. Вы быстро научитесь.

– Я готов, капитан Дик, – ответил старый негр.

– Хорошо, – улыбнулся юноша. – Пойдите со мной у штурвала до вечера, и, если я свалюсь от усталости, вы сегодня же на короткое время смените меня.

10. Два компаса

На «Пилигриме» были приборы, с помощью которых Дик Сэнд намеревался следить за направлением и скоростью хода корабля, – компас и лаг. Определив среднюю скорость судна, можно было с высокой долей вероятности ежедневно наносить на карту пройденный путь. Для более детальных измерений необходимо было проводить астрономические наблюдения. Только они позволяют определить точное место судна в открытом море. Лаг и компас не учитывают скорости и направления океанских течений, этого неустранимого источника ошибок в вычислении курса. К сожалению, юный капитан еще не умел проводить астрономических наблюдений, но сильно сокрушаться по этому поводу не стал. Действительно, американский материк тянется с севера на юг, как бы разделяя собой два океана – Тихий и Атлантический. Миновать его в положении Дика было невозможно, а потому достаточно приблизительные представления о том, где в тот или иной момент находится «Пилигрим», вполне устраивали юношу.

Дик вывел на палубу свою чернокожую команду и стоя у штурвала стал отдавать им приказы.

– Том, травите шкот!

– Травить?

Том недоуменно взялся за трос, не зная, что с ним делать.

– Ну да, травите! Это значит – ослабить шкот! И вы, Бат, делайте то же самое! Так, хорошо! Теперь вытягивайте. Вытягивайте, Бат!

– Вот так?

– Да! Очень хорошо! Геркулес, ваша очередь! Ну-ка поднатужьтесь, здесь нужна сила!

Просить Геркулеса «понатужиться» было опрометчивым со стороны Дика. Великан негр рванул снасть с такой силой, что едва не оторвал ее.

– Не так решительно! – закричал, улыбаясь, капитан. – Так недолго и мачту из гнезда вырвать!

– Да ведь я только чуть-чуть потянул, – оправдывался Геркулес.

– Чуть-чуть?... Нет уж, Геркулес, вы уж лучше только делайте вид, что тянете. Внимание, друзья! Потравите еще... Ослабьте!.. Так... Крепите... Да крепите же!.. Не понимают! Ах, да, привязывайте! Дружнее!..

Наконец паруса были закреплены. «Пилигрим» быстро пошел на восток, и капитану только оставалось следить, чтобы судно не отклонялось от курса.

Миссис Уэлдон сердечно пожала Дику руку. Почувствовав сильную усталость от пережитых за последние часы волнений, она ушла к себе в каюту и задремала.

Пока новоиспеченные матросы ставили паруса, а капитан следил за компасом, кузен Бенедикт с лупой в руке изучал членистоногое насекомое, которое ему, наконец, удалось разыскать на борту «Пилигрима». Это было простое прямокрылое; головка его исчезала под выступающим краем переднегрудия, усики были длинные, а кожистые передние крылья превратились в надкрылья. Попросту выражаясь, оно принадлежало к отряду тараканов.

Знал ли кузен Бенедикт, какие события разыгрались после того, как капитан Гуль и его спутники отправились на злополучную охоту за полосатиком? Конечно, знал. Он был на палубе, когда «Пилигрим» подошел к месту трагедии, где еще плавали обломки разбитой шлюпки. Предположить, что гибель шестерых человек не тронула почтенного ученого, значило бы обвинить кузена Бенедикта в бессердечии. Он искренне жалел погибших, и, кроме того, испытывал сострадание к миссис Уэлдон, оказавшейся теперь в трудном положении. Поскольку в сложившейся ситуации он все равно ничем не мог помочь ни ей, ни Дику, ученый отправился в каюту. Возможно, ему требовалось время, чтобы хорошо обдумать случившееся

и выработать некий план решительных действий. Однако по дороге кузен Бенедикт наткнулся на таракана, и тот целиком завладел вниманием энтомолога.

Жизнь на борту постепенно вошла в прежнюю колею. В первый день Дик Сэнд буквально разрывался на части: ему казалось, что его присутствие требуется сразу везде и не знал, как обеспечить на корабле образцовый порядок, установленный капитаном Гулем. Позже он немного унял свой пыл. Негры оказались толковыми помощниками, а миссис Уэлдон всячески поддерживала дух юного капитана.

– Не старайся переделать сразу сто дел, Дик, – мягко советовала она. – Никто от тебя этого не требует. Главное, чтобы ты не сорвался, был здоров и имел возможность отдыхать. Запомни: лучшее – враг хорошего. Пусть все идет, как идет.

Негоро больше не пытался оспаривать авторитет пятнадцатилетнего капитана. Про себя Дик твердо решил посадить Негоро под арест на все время плавания при малейшей его попытке нарушить дисциплину. Корабль при этом не понес бы серьезной потери. Нан, умелая повариха, вполне справилась бы с обязанностями кока, тем более, что готовить теперь надо было на меньшее количество ртов. Негоро, очевидно, хорошо понимал, что не является незаменимым и не мог не замечать, что Геркулес пристально наблюдает за ним. Словом, португалец, счел разумным не навлекать на себя нареканий и затаился.

Молодой капитан, по совету миссис Уэлдон, решил ограничиться малым: более или менее правильно определять курс судна. Для этого Дик приказал бросать лаг каждые полчаса и записывал показания прибора. На борту было два компаса. Первый помещался перед глазами рулевого. Днем он освещался солнечным светом, а ночью – двумя боковыми лампами. Второй компас был укреплен в каюте, которую раньше занимал капитан Гуль и куда теперь перебрался Дик.

Пятнадцатилетний капитан строго-настрого велел своему экипажу с величайшей осторожностью обращаться с обоими компасами. Однако в ночь с 12 на 13 февраля, пока сам Дик стоял у штурвала, компас, находившийся в капитанской каюте, неожиданно пришел в негодность. Медный крючок, на котором он висел, оборвался, и компас упал на пол. Дик заметил это только на следующее утро и очень огорчился. Теперь приходилось доверять показаниям одного компаса.

Дик распределил время так, что на его долю выпали ночные вахты у штурвала. Днем он спал пять-шесть часов. Когда молодой капитан отдыхал, у штурвала стоял Том или его сын Бат. Дик очень подробно и толково объяснил им их задачу, и отец с сыном неплохо справлялись с возложенной на них обязанностью. Старый Том, кроме того, освоил ремесло боцмана.

С наступлением темноты Дик приказывал зажигать ходовые огни: зеленый фонарь по правому борту и красный – по левому. Ночь за ночью молодой капитан стоял у штурвала. Иногда он совсем изнемогал и держал курс из последних сил. Усталость, с которой юноша не хотел считаться, брала свое.

В ночь с 13 на 14 февраля Дик вымотался до такой степени, что был вынужден разбудить Тома и попросить старика заменить его у штурвала на несколько часов. Погода стояла пасмурная, небо сплошь затягивали облака. К вечеру похолодало. Вокруг стоял непроглядный мрак. С палубы даже нельзя было разглядеть верхние паруса на мачтах. Геркулес и Актеон несли вахту в передней части судна. На корме слабо светила лампа над компасом, и этот мягкий свет отражался в металлической отделке штурвала.

Около трех часов ночи у Тома, утомленного долгой вахтой, стали слипаться глаза. Старик беспрестанно моргал и протирал их, и потому не заметил, как по палубе скользнула чья-то тень.

Судовой кок осторожно подкрался к компасу и быстро подложил под него тяжелый железный брусок, который принес с собой. Показания компаса мигом изменились, и вместо того, чтобы указывать направление на магнитный полюс, стрелка повернула на северо-восток. Всего мгновение понадобилось Негоро, чтобы скользнуть в тень и исчезнуть у себя в каюте.

Том потряс головой и пришел в себя. Первый же взгляд его упал на компас. Том испугался. В соответствии с показаниями прибора, корабль сошел с курса. Том решил не рассказывать капитану о допущенной ошибке, поспешно повернул штурвал и направил корабль, как он думал, прямо на восток.

Рулевой, конечно, и представить себе не мог, что «Пилигрим» теперь стремительно двигался к югу.

11. В ожидании шторма

За следующую неделю, с 14 по 21 февраля, на судне не произошло ничего примечательного. Море по-прежнему оставалось пустынным. Это не могло не удивлять Дика Сэнда. Молодой матрос, участвовавший уже в трех дальних плаваниях на китобойных судах, несколько раз пересекал ту часть Тихого океана, где, по его расчетам, находился сейчас «Пилигрим». В этих широтах постоянно курсировали американские и английские суда, которые либо поднимались от мыса Горн к экватору, либо спускались к этой крайней южной точке американского континента.

Молодой капитан считал, что ведет судно на восток, хотя в действительности держал курс намного южнее. Однако никакие сомнения не закрадывались в голову Дика. Компас постоянно был у него перед глазами, лаг регулярно опускали за борт. Эти два прибора позволяли приблизительно определять пройденное расстояние и держаться выбранного курса.

Миссис Уэлдон иногда начинала волноваться, но Дик всеми силами старался успокоить ее.

– Неделей раньше, неделей позже, – повторял молодой капитан, – мы обязательно доберемся до побережья Америки. Вы же сами говорили, неважно, в каком месте мы пристанем... Главное то, что мы сойдем на твердую землю!

Миссис Уэлдон верила Дик. Она знала, что несмотря на то, что молодой капитан еще не обладает достаточными знаниями по гидрографии, чтобы определять место своего корабля в море, он хорошо чувствовал погоду и умел ориентироваться в море. Капитан Гуль не раз говорил об этом миссис Уэлдон и упоминал, что сам научил Дика понимать показания барометра.

– Когда после долгого периода хорошей погоды барометр начинает резко и непрерывно падать, – вспоминал Дик указания Гуля, – это верный признак дождя. Однако если хорошая погода стояла очень долго, то ртутный столбик может опускаться два-три дня, и только потом в атмосфере произойдут заметные изменения.

– А если во время долгого периода дождей барометр начнет медленно, но непрерывно подниматься? – бывало спрашивал Дик своего наставника.

– Можно с уверенностью предсказать наступление хорошей погоды, – отвечал капитан. – Хорошая погода простоят тем дольше, чем больше времени прошло между началом подъема ртутного столба и первым ясным днем.

– Ну а скажем, если барометр поднимается в течение двух-трех дней и дольше?

– Будет хорошая погода, даже если все эти дни льет дождь. Но если барометр медленно поднимается в дождливые дни, а с наступлением хорошей погоды сразу же начинает падать, хорошая погода простоят недолго.

– А как меняется барометр в зависимости от времени года? – интересовался Дик.

– Весной и осенью резкое падение барометра предвещает ветреную погоду, – объяснял Гуль. – Летом, в сильную жару, оно предсказывает грозу. Зимой, особенно после продолжительных морозов, оно говорит о предстоящей перемене направления ветра. Значит, будет оттепель и дождь. А вот повышение ртутного столба во время долгих морозов предвещает снегопад.

– Как понимать частые колебания уровня ртутного столба, капитан? – допытывался Дик.

– Их ни в коем случае не следует рассматривать как признак приближения длительного периода засухи или дождей. Только постепенное падение или повышение ртутного столба означает наступление устойчивой погоды.

Итак, под руководством капитана Гуля Дик стал неплохим метеорологом. Поэтому 20 февраля показания барометра обеспокоили его. Дик несколько раз в день подходил к прибору, чтобы записать колебания ртутного столба. Барометр медленно и непрерывно падал, что пред-

сказывало грозу. Поскольку дождь никак не начинался, Дик понял, что плохая погода продержится не один день.

21 февраля ветер усилился. Чтобы он не изорвал паруса «Пилигрима» и не сломал мачты, требовалось убрать часть парусов. Барометр падал. Небо хмурилось, над морем повис плотный туман.

Дик Сэнд начал серьезно беспокоиться. Он ни на минуту не уходил с палубы, совсем перестал спать. 23 февраля утром ветер начал стихать. Около четырех часов дня Негоро, редко покидавший теперь свой камбуз, вышел на палубу.

Португалец обвел глазами горизонт. Облака перемещались с неодинаковой скоростью – верхние тучи бежали гораздо быстрее нижних. Недобрая улыбка мелькнула на губах Негоро. Можно было подумать, что ухудшение погоды скорее радует, чем огорчает его. Кок влез на мачту. Казалось, он старается что-то разглядеть в густом тумане. Видимо, результаты наблюдения удовлетворили его, Негоро кивнул, спокойно слез на палубу и молча скрылся в своей каюте.

С 24 февраля до 9 марта погода нисколько не улучшилась. Небо по-прежнему заволакивали тяжелые, свинцовые тучи. Несколько раз бушевали проливные дожди и сильные грозы. Молнии ударяли в воду на расстоянии двухсот метров от корабля. «Пилигрим» почти все время был окружен густым туманом.

Дик думал, что ему крупно повезло, что Том и его товарищи не подвержены морской болезни. Чернокожие матросы по-прежнему охотно и аккуратно выполняли все судовые работы. Если бы хоть один из них заболел, это существенно осложнило и без того непростое положение Дика.

Молодой капитан часто взбирался на мачту и подолгу пристально вглядывался в горизонт. Однако берегов Америки все не было видно. Дик не знал, что и думать. По его расчетам, «Пилигрим» давно уже должен был плыть вблизи суши. Миссис Уэлдон догадывалась о растерянности юноши и всячески старалась поддержать его.

9 марта Дик стоял на носу и смотрел на море и на небо, время от времени переводя взгляд на мачты «Пилигрима», которые гнулись и скрипели под сильными порывами ветра.

– Как там, Дик? – спросила миссис Уэлдон, когда юноша опустил подзорную трубу.

– Ничего, миссис Уэлдон, решительно ничего не видно, – ответил юный капитан. – А ведь ветер разогнал туман на горизонте...

– Ты по-прежнему считаешь, что американский берег где-то рядом?

– Я в этом не сомневаюсь, миссис Уэлдон. Меня удивляет, что он до сих пор не виден.

– Действительно... «Пилигрим» точно шел правильным курсом?

– Совершенно точно. Все время, с тех пор как подул северо-западный ветер, – уверенно ответил Дик. – Если помните, это произошло 10 февраля, в тот день, когда погиб капитан Гуль и весь экипаж корабля. Сегодня 9 марта, то есть, прошло двадцать семь дней!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.